

Взгляд Ян Тяньцы полыхал гневом, глаза метали молнии, но, немного подумав, он подавил ярость и сквозь зубы процедил:

— Уйду, так уйду. Ты только жди.

Он поднялся, рывком подсадил Ян Шэнмао и, несмотря на его сдерживаемые стоны от боли, потащил за собой к выходу.

— Стой.

Ян Тяньцы замер. Ноющая, пульсирующая боль в животе заставила мышцы его спины напрячься до предела. С тревогой, которую он сам не хотел признавать, он ждал следующего шага Цзян Чэня.

До этого момента он никогда не думал, что Цзян Чэнь осмелится поступить с ним так.

В памяти Ян Тяньцы Цзян Чэнь до старшей школы всегда был молчаливым, когда приходил в дом Ян. Даже если он был недоволен, он просто уходил, а чтобы сохранить вежливость, даже прощался. Это всегда заставляло Ян Тяньцы чувствовать свое превосходство, но в то же время укрепляло в мнении, что этот племянник — лицемер. Позже, когда с семьей Цзян случились неприятности, Цзян Чэнь стал безжалостным, но все же ограничивался только словами. Ян Тяньцы понимал это: хороший ученик — ну, что с него возьмешь, только и умеет, что говорить.

Ян Тяньцы всегда считал, что это предел возможностей Цзян Чэня, но сегодня он понял, что тот может быть куда более дерзким. Или, возможно, это его истинное лицо, которое он скрывал все это время, притворяясь перед всеми. Значит, он не ошибался: этот племянник всегда был скрытным и хитрым.

Цзян Чэня не интересовало, что о нем думает Ян Тяньцы. Успокоив сопротивление Ян Шэнмао, он быстро вправил ему вывихнутую руку.

Когда рука внезапно снова стала послушной, Ян Шэнмао на мгновение замер, а затем резко переменялся в лице. В свои двенадцать-тринадцать лет он уже научился дорожить репутацией. Но, вспомнив, как его отец был повален Цзян Чэнем, да и собственная рука только что была вывихнута, он медленно опустил занесенный кулак и, полный ненависти, указал на Цзян Чэня:

— Я расскажу бабушке! Она придет и будет ругать тебя, и бить тебя! И твоего хромого отца, я тоже...

Цзян Чэнь улыбнулся, сжал только что вправленную руку и, прервав поток слов Ян Шэнмао и вызвав у него мгновенные слезы, мягко и безобидно произнес:

— Надеюсь, ты научишься вежливости.

— Ты... — Ян Шэнмао с ужасом смотрел на свою снова бесконтрольную кисть.

— Сначала вежливо извинись за свои предыдущие слова, а затем с просьбой обратись ко мне, чтобы я помог тебе вправить руку.

Лицо Ян Шэнмао побелело. Ян Тяньцы, стиснув зубы, сказал:

— Цзян Чэнь, что бы ни было между мной и твоей матерью, Шэнмао — твой брат. У тебя совсем нет совести?

Цзян Чэнь в свою очередь спросил:

— Что бы ни было между мной и Ян Шэнмао, моя мать — твоя сестра. У тебя есть хоть капля совести перед ней?

Лицо Ян Тяньцы стало то красным, то фиолетовым. Голос его звучал так, словно он выдавливал слова сквозь стиснутые зубы:

— Взрослые дела не твоего ума. Твоего брата не тебе учить. Ты сам на себя посмотри: избиваешь старших, обижаешь двоюродного брата, коварен и жесток. Кто в семнадцать лет обладает такой жестокостью и коварством, как ты? Ты считаешь, что имеешь право учить Шэнмао?

Громкий удар прозвучал, когда Ян Тяньцы, опираясь на перила, согнулся пополам, и его лицо стало белым, как бумага. Цзян Чэнь сделал шаг, и Ян Тяньцы рефлекторно отпрянул назад. Увидев страх, вспыхнувший в глазах дяди, Цзян Чэнь вдруг вспомнил слова, которые однажды сказал ему Хо Бо: «Некоторым людям нельзя объяснять словами, нужно просто показать, что кулак — это и есть закон».

Раньше он не понимал этого, но, пройдя через многое, осознал, что это истина, применимая в любой ситуации.

Вероятно, испуганный состоянием отца, Ян Шэнмао прекратил попытку напасть исподтишка. Прежде чем Цзян Чэнь повернулся, он быстро отступил на несколько шагов, уперся спиной в стену и, запинаясь, проговорил:

— Я... я виноват. Прости, брат, пожалуйста, помоги мне... вправь руку.

Цзян Чэнь кивнул, быстро вправил ему руку и, отступив на шаг под испуганным взглядом Ян Шэнмао, спокойно произнес:

— Я не твой брат. И запомни сегодняшний урок: в следующий раз говори вежливо.

Ян Шэнмао замер, глядя на бесстрастное лицо Цзян Чэня, и невольно кивнул.

Ян Тяньцы злобно выдохнул, бросив на Цзян Чэня ненавидящий взгляд:

— Ты только жди.

Ян Тяньцы, ведя за собой Ян Шэнмао, быстро спустился вниз. Пока они не исчезли из виду, Цзян Чэнь произнес так, чтобы они могли услышать, абсолютно спокойным тоном:

— Если я узнаю, что ты встречался с моей матерью без моего ведома, я покажу тебе, насколько серьезными могут быть неприятности, когда я решу найти кого-то и наказать.

Ян Тяньцы замер, его глаза наполнились мраком. Вспомнив предыдущий телефонный звонок, он мысленно усмехнулся, но не ответил. Только выйдя из подъезда, он обернулся и посмотрел на окно пятого этажа. Его мрачное и злобное выражение казалось холодным даже в летнем солнечном свете.

Ян Шэнмао случайно увидел это, схватился за руку и съежился:

— Папа?

Ян Тяньцы холодно отвел взгляд:

— Пошли.

Наверху Цзян Чэнь наблюдал, как их фигуры удалялись, затем повернулся и вернулся в прихожую. Из щели в обувной полке он достал диктофон, быстро вынул батарейку. Он думал, что Хэ Цяньцзянь придумает что-то новое, но все оказалось точь-в-точь как в первой жизни: слежка и периодические провокации через Ян Тяньцы. Хотя, на этом этапе Хэ Цяньцзянь, вероятно, больше ничего и не мог.

Цзян Чэнь достал телефон и набрал номер:

— Измените условия. Увеличьте сумму в расписке на пятьдесят процентов. Заставьте семью Ян, особенно Ян Тяньцы, сами сбежать из города Янь.

Ян Тяньцы только подошел к воротам своего квартала, как увидел, что у его дома собралась толпа. Он услышал крики и ругань, замешкался, затем ускорил шаг, раздвигая соседей и громко спрашивая:

— Дайте дорогу! Что происходит? Почему все столпились у нашего подъезда?

Пожилой мужчина с веером, которого он толкнул, едва устоял на ногах, затем сплюнул и прокричал:

— Ты еще спрашиваешь? Ростовщики пришли, ты же сам брал деньги, разве не знаешь, в чем дело?

Остальные, увидев Ян Тяньцы, тоже заговорили:

— Сяо Ян, скорее иди домой, твоя жена и мать плачут.

— Эх, что же ты натворил, парень? Как ты мог взять столько денег? Теперь коллекторы пришли, твой отец только что упал, не может встать!

— У тебя есть жена и ребенок, как ты мог быть таким безответственным? Раньше говорили, что ты зарабатываешь на акциях, я так и думал, откуда у тебя деньги, а оказывается — взял в долг у ростовщиков.

— Да уж...

Ян Тяньцы был ошеломлен этим потоком обвинений, но Ян Шэнмао уже пробился вперед. Увидев, что происходит дома, он закричал:

— Бабушка! Мама!

Крик сына вернул Ян Тяньцы к действительности. Он тут же начал пробиваться сквозь толпу, люди расступились, и он быстро увидел, что происходит:

Квартира Ян находилась на первом этаже, с маленьким садиком. Они вырвали цветы и посадили овощи. Теперь грядки были растоптаны, а на двери и окнах виднелись следы красной краски, от которой исходил резкий запах. Через открытые шторы были видны несколько грубых мужчин с угрожающим видом, а внутри дома мебель была разбита в щепки.

Мужчина с золотой цепью и татуировкой на руке вышел, держа в левой руке бумагу и легонько

хлопая ею по правой ладони. Он окинул взглядом Ян Тяньцы и спросил:

— Ты Ян Тяньцы?

У Ян Тяньцы по коже пробежали мурашки, и инстинктивно он хотел отрицать, но Ян Шэнмао уже крикнул:

— Это мой папа! У вас к нему вопросы, но вы не имеете права трогать мою маму и бабушку!

Ян Тяньцы замер, глаза его расширились. Старая госпожа Ян и мать Ян Шэнмао крепко обняли его, плача то ли от облегчения, то ли от страха.

Мужчина с татуировкой подошел ближе, и Ян Тяньцы инстинктивно отступил на шаг:

— Я... Ян Тяньцы, но я не должен денег и не брал их у ростовщиков. Вы, может, ошиблись адресом?

— Ошиблись? — Мужчина усмехнулся, поднял бумагу и мелькнул ею перед глазами Ян Тяньцы. — Подпись и отпечаток пальца — твои?

Ян Тяньцы успел заметить, что в графе заемщика действительно стояло его имя, и почерк был его, но... Он торопливо начал объяснять:

— Брат, это действительно моя подпись, но я на самом деле...

— Твоя, значит, твоя, — Мужчина прервал его, подал знак людям в доме, а затем махнул рукой:

— Бейте его!

<http://bllate.org/book/16728/1538586>